

УДК 1(075.8)

ГРАНИЦЫ РАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА И «ДРУГИХ» МЫСЛИТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Г.Н. КАЛИНИНА*Белгородский
государственный
институт культуры
и искусств**e-mail: kalinina555@inbox.ru*

В статье осуществляется философско-культурологическая рефлексия границ традиционной науки и «другого» знания, предпринимаемая с учетом характерных особенностей культуры модернити, когнитивной стратегии постмодернистской парадигмы. Утверждается, что для понимания внутренней целостности заявленной проблемы, выявления ее неклассических смыслов, а также в целях ориентации в современной гносеологической проблематике, необходим выход «за» пределы научного мышления – в широкую сферу культуры.

Ключевые слова: постмодернизм, культура, «affirmo – ergo est», «языковые игры», интертекстуальность, деконструкция, парадигма, когнитивная стратегия, холизм, «двойное кодирование» традиционная наука, рациональное, истина, распремечивание, иррациональное, «другое» знание», дискурс, паранаука, эзотерика.

Характерной чертой интеллектуальной культуры в XX веке является увеличение объема рефлексии мышления и обеспечение, изучение рефлексивных процессов соответственно. Все более усложняется мышление практически во всех областях деятельности и практиках. Отмечается, что, в свою очередь, «усложнение мышления связано как с расширением спектра применяемых средств и методов, так и с необходимостью той или иной познавательной, более широкой мыслительной стратегии. Так, например, в XIX столетии естественнонаучный метод и подход считались главными, в то время как в настоящий период широко используются (наряду с ним) гуманитарные и социальные мыслительные стратегии. Также помимо «чисто» рациональных дискурсов на «поле мышления» вышли и заявляют о своих эпистемологических претензиях паранаучные и эзотерические направления мысли¹. И если сторонники традиционного рационального мироощущения отстаивают привычную трактовку истины и «нормирования» мышления, не приемля в большинстве своем ее неклассических смыслов и интерпретаций, то современные мыслители постмодернистской ориентации думают совсем иначе. При отрицании каких бы то ни было «метарративов» всеобщих норм мышления утверждается автономность всего разнообразия существующих подходов и дискурсов как своего рода «языковых игр», правила которых на свой страх и риск устанавливают сами же их создатели².

Сегодня практически все научные сообщества рефлектируют над будущим науки, находясь в пространстве культуры. В самом деле, определенные предпосылки для распремечивания научной области создаются (и стимулируются) под непосредственным влиянием культуры постмодернизма. В отраслевых науках создаются новые (в том числе псевдонаучные) парадигмы, с целью произвести наиболее полную «сборку» научной картины мира. В целом, по мнению значительной (если не основной) части методологически рефлектирующих исследователей, ставится под сомнение сама научная реальность как таковая, а границы науки становятся зыбкими и легко разрушаемыми. Критикуя отечественных «критиков постмодернизма», некоторые ученые подчеркивают связь этого нового идейно–теоретического течения с наступлением так называемой, постиндустриальной эпохи, говоря, что «сам постмодернизм, как и анализируемые в нем явления, является не

¹ Розин В.М. Методология: замысел и реализация. М., 2007. – С.4.

² См., например, Розин В.М. От панметодологии к методологии с ограниченной ответственностью // Методология науки: проблемы и история. ИФ РАН. М., 2003; Розин В.М. Мышление в контексте современности (от «машин мышления» к «мысли-событию», «мысли-встрече») // Общественные науки и современность. М., 2001. № 5.

только продуктом изменений, происходящих в социальных отношениях вследствие перехода от индустриального общества (модернити) к постиндустриальному (постмодернити), но и существенная часть этих изменений»³. Утверждается, что постмодернизм представляет «рациональность особого рода», образ мышления, основным принципом которого является положение, что предмет и субъект исследования выступают равноправными творцами действительности, а исходным пунктом – утверждение «affirmo – ergo est» («утверждаю, значит, так есть»)⁴.

Отличительной чертой постмодернизма является приоритет языка над опытом – «вне текста не существует ничего». Новое знание, согласно постмодернистам, появляется не в результате взаимодействия познающего субъекта и объекта, а в ходе сопоставления мнений и взглядов индивидов по той или иной проблеме. В связи с этим, например, Р. Рорти предлагает заменить модернистскую теорию познания («предрассудок» эпохи Просвещения, претендовавший на получение объективной истины) «риторической философией», основанной на принципе «диалога–беседы». Поскольку категории науки и ее тексты не отражают окружающий мир, а являются порождением рефлекслирующих субъектов, то истину, как полагает Р. Рорти, познать нельзя, но более или менее «правдоподобный отчет» о ней можно дать с помощью диалогового метода.⁵ Соответственно, постулируется тезис «об исчезновении» объекта науки и о необходимости рассматривать процесс познания не как диалог между субъектом и объектом, а как диалог между текстами, в ходе которого возникает специфическая власть языка текста, способного своими внутренними средствами создавать самодовлеющий «мир дискурса», в котором презентуется историческая реальность. В связи с таким пониманием роли языка в познании придается большое значение проблемам интертекстуальности и деконструкции⁶. Предполагается, что в ходе интертекстуального диалога происходит как бы растворение суверенной субъективности автора текста в текстах-сознаниях, составляющих «великий интертекст»⁷. В результате сама культура воспринимается в постмодернизме как единый интертекст, служащий, в свою очередь, предтекстом любого вновь появляющегося текста⁸. В рамках деконструкции текстов как части «дискурса» прошлого или массива исторической языковой практики утверждается, что, попадая в сферу познавательной деятельности, тексты прошлого оказываются в русле «дискурса» настоящего, что и создает многовариативные возможности для их деконструкции, порождая скептицизм относительно возможности получения объективного знания.

Характерно, что когнитивная стратегия постмодернистской парадигмы так или иначе, ориентирована на потребности «постмодернистского» сообщества с присущим ему многообразием ценностных ориентаций, горизонтов ожиданий, спектров интересов, где сознательное апеллирование к различным слоям потребителей своей продукции является важным условием выполнения научным сообществом своих коммуникативных функций. Это нацеливает исследователя на «искусство многоязычия», позволяющее, скажем, сводить вместе элитарные и популярные, интернациональные и национальные, традиционные и ультра-

³ Анурин В.Ф. Постмодернизм: в поисках материального фундамента // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. – С. 112.

⁴ Лубский А.В. Постмодернизм и историческая наука // *Гуманитарный ежегодник*. М., 2005. № 1. Ч.2. – С.29.

⁵ Rorty R. *Philosophy and the mirror of nature*. Oxford, 1980. P. 365.

⁶ Термин «деконструкция» сформулирован Ж. Деррида – в постмодернизме употребляется для обозначения текстуального анализа, при котором непосредственный или «поверхностный» смысл отбрасывается ради менее очевидного

⁷ Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – С. 225.

⁸ Так, например, отмечается, что постмодернистская концепция интертекстуальности возникла на основе переинтерпретации идей М.М. Бахтина периода 20-х гг. прошлого века. Осмысливая диалектику бытия литературы, М.М. Бахтин отмечал, что помимо данной художнику действительности, он имеет дело также с предшествующей и современной ему литературой, с которой он находится в постоянном диалоге. Элиминировав проблему взаимодействия автора текста с действительностью, постмодернисты свели идею диалога М.М. Бахтина до диалога между текстами. – См.: Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. – С. 6-71.

современные смысловые коды (принцип «двойного кодирования» научных текстов – один из основных в постмодернистской парадигме). Постмодернизм стремится использовать конец холистского взгляда на мир для утверждения легитимности плюралистического видения исторической реальности и для развития множественности познавательной деятельности, а также повода для интертекстуальных языковых игр. Такое «распредмечивание» научной области, по мнению основной части методологически рефлексизирующих исследователей, делает границы науки зыбкими и легко разрушаемыми.

Показательно, что на общем фоне серьезной трансформации классической познавательной парадигмы расширяется предметное поле гносеологических исследований, интерпретативный репертуар научного (по) знания (как мира человеческой деятельности и общения), включение в понятие «знание» всего многообразия культурных форм знания и сознания (в том числе знания, не имеющего интересубъективной знаковой формы). Стало, наконец, возможным говорить о том, что образ познания, не вписанного в социальный контекст, считается не только не универсальным, но представляющим собой предельный, вырожденный случай.

В свою очередь, в сфере анализа современного научного знания утверждаются подходы, согласно которым «понимание» научной ситуации может быть достигнуто нетрадиционными способами – симпатии и прерогативы отдаются таким понятиям, как: правила, контроль, контекст, программа, «идеал естественного порядка» и другим. Рождается целый ряд нетрадиционных методологий, которые активно обсуждаются в научных кругах. В отраслевых науках создаются новые (в том числе, псевдонаучные) парадигмы, с целью произвести наиболее полную «сборку» научной картины мира. Утверждение многомерного образа реальности, признания правомерности и «другого», альтернативного знания, неустранимой множественности описаний и «точек зрения», равно как и отношений дополнительности и взаимодействия между ними, более не рассматривается как аномалия. Демонстрируется особая рациональность не только научных методов, но и знания, присущего примитивным культурам и обладающего собственными объяснительными схемами, способностью удовлетворять социальные потребности и ориентировать практику. Прообразом новой, рациональности становится смесь духовности и религиозности, относительность (релятивизм), синергия и другие варианты. Заявляет о себе множественность подходов к рациональности, которые могут по-разному выглядеть в различных науках (рациональность естествознания, гуманитарных наук и др. отличия). Свою обновленную («новую») форму научная рациональность обретает через разработку философских категорий (герменевтика, топосы, гуманитаристика и другие).

Наконец, осознается и возможность совмещения классического понятия истины с признанием теоретической нагруженности фактов и культурно-исторического характера субъекта познания. В последние годы эту мысль четко сформулировала Л. А. Микешина. Имея в виду разные концепции, она отмечает, что эти концепции должны рассматриваться во взаимодействии, поскольку они носят комплементарный характер, по сути, не отрицая друг друга, а выражая гносеологический, семантический, эпистемологический и социокультурный аспекты истинного знания. И хотя, по ее мнению, каждая из них достойна конструктивной критики, это не предполагает игнорирования позитивных результатов этих теорий. Знание должно коррелировать с другим знанием, поскольку оно системно и взаимосвязано»⁹.

С другой стороны, нельзя не видеть, что проблемное поле философских и методологических контрверзов заметно «дает крен» в сторону суждений об исчерпании наукой своего креативного потенциала, «о конце фундаментальной науки», о потере философского доверия к «надежному пути науки», об утрате наукой функции построения картины мира и других негативных издержках; Говорится также об отсутствии в современной науке глобального, междисциплинарного синтеза, который бы позволил взглянуть на нее как на единый, живой организм, а не как на расчлененный труп. В откровенные «похороны» научной рациональности резюмировался и широко известный «Круглый стол» по перспективам и судьбам научной рациональности в XXI веке, аккумулировавший наибо-

⁹ Микешина, Л.А. Релятивизм как философская проблема // Эпистемология и философия науки. М.: «Канон+». Т. I. № 1. 2004. – С. 54.

лее «узкие места» в области научной проблематики (причем, наука выступает в данном случае и объектом критики, и не менее откровенной ее апологетики). Указывается также и на драматическую проблему расхождения науки с культурой, на то, что наука стала осознавать себя не адекватным пространству культуры социальным феноменом.

Иначе говоря, в эпицентре современной гносеологической проблематики находится вопрос об определении статуса, потенциала постнеклассической науки. Он непосредственным образом связан с проблематикой обоснования границ науки и «другого» знания», а также с необходимостью преодоления имеющего места рассогласования науки с базисными ценностями культуры. В широком плане обозначенные тенденции обусловлены местом и ролью глобального феномена науки в обществе и связаны, в первую очередь, с ее социальной функцией (впрочем, как и иных форм знания) в социуме. Если же «разложить» на составляющие, то можно, выделить несколько аспектов, обосновывающих актуализацию концепта границ науки и «другого» знания в культуре модернистской и включение его в проблемное поле культурологической науки и философии.

Очевидные деструктивные черты современной техногенной цивилизации, где наука играет основополагающую роль, служат достаточным основанием для того, чтобы первый аспект актуальности связать с задачей *ограничения компетенции разума*, поставленной в свое время И. Кантом. Ее решение лежит в области своевременного выявления и оперативного разрешения (причем, человеческим образом) глобальных социально значимых проблем особого «таймированного» класса с привлечением всего комплекса знания, с повышением *социальной ответственности* ученых и разумного использования наличного знания живущим сегодня поколением людей. Тем самым задача исследования границ, за которые не может (и не должна) простирается «работа» научного знания (И. Кант), переходит в стадию *ограничения (!)* компетенции разума, смещаясь в центр гносеологических исследований. В противном случае таймированная проблематика, перейдя в деструктивную фазу, имеет все шансы приобрести зловещий оттенок общечеловеческой катастрофы, свидетельствуя «в пользу» инфляции разума.

Второй аспект, который мы связываем с признанием невозможности дистиллировать сознание от всех «нерациональных мотивов» (В.С. Швырев) и с необходимостью снятия дихотомии «научного и не-научного», лежит в области задачи выработки подлинной культуры рациональности. Здесь целесообразно заострить внимание на следующем. В условиях, когда мир, действительно, перестал быть «прозрачным» для разума и когда одна только наука не в состоянии справиться с объяснением сложных вопросов мироздания, вполне закономерен рост интереса ко всему отличному от науки, к мистическим и «иным» мирам, апелляция значительной части наших современников к вне- и иррациональной мотивации. Крайняя рационализация техногенной культуры стимулирует так называемые «психологические эпидемии», когда люди, уставшие от «чистого» рационализма, «бросаются в объятия» мистических учений, ожидая предложений и ответов, которых на данный момент не может дать традиционная наука. Тем не менее, нельзя назвать нормальным положение, когда вытесненное чрезмерной рационализацией «иррациональное» перерастает в стадию, скажем, «окультурного ренессанса», или «религиозного возрождения», порождая тем самым вседозволенность «без берегов».

В свою очередь, отказ от принципа «не навреди» имеет своим результатом крайне негативные последствия, затрагивающие сферу человеческой духовности и телесности. А между тем, в условиях существования человечества в современном обществе риска как никогда важен вопрос *о границах возможного и допустимого* в любом виде человеческой деятельности, тем более, если она имеет прямые «выходы» на физическое, нравственное и душевное здоровье конкретного человека. Нельзя забывать, что очищение науки и любого знания от нравственного контекста скорее отбрасывает это знание назад, нежели движет вперед. С учетом данных реалий проблематика границ в научном и ином знании (равно как и в любом виде человеческой деятельности) оказывается связанной с культурой рациональности (как способа познания и деятельности), приобретая в новых условиях рефлексивности дополнительную актуальность именно с этих позиций. Принципиально важными в контексте сказанного для нас является направление исследований крупнейших отечественных философов – В.М. Межуева, В.М. Розина, В.Н. Поруса, в трудах которых проблема соотношения науки и иных форм знания ставится (и решается в

подобном ключе) в связи с фактом драматического расхождения науки с культурой и с необходимостью принципиального учета, прежде всего, гуманитарной и социальной природы изучаемых явлений¹⁰.

В свое время П. Фейерабенд, указывая на ситуацию рассогласования науки с базисными ценностями культуры, и небезосновательно усматривая в диктате науки угрозу демократическим устоям общества, предлагал крайне радикальные меры «защиты общества от науки» (вплоть до отделения ее от государства). Сегодня в среде российских философов также сломано немало копий по поводу конкретных шагов по преодолению такого разрыва. И поскольку высокая научность «теоретизированного», «самозаконного» мира познания (по М. Бахтину) с его абстрактными гносеологическими категориями не компенсирует бытийно-исторической недостаточности, постольку вместо «мира теоретизма» требуется введение новых понятий на принципиально иной основе, учитывающей «участность» (неалиби), «ответственность», «поступок», выступающих бытийными основаниями субъекта, истины, познания. И далее – построения «нового мира» исторически действительного участного сознания, с необходимостью включающего ценностные (этические и эстетические) отношения цельного человека.

Далее своевременность проблематики границ научного и «другого» знания мы связываем с расширением сферы изучения многообразных связей познания с иными формами культуры и социальности, в которую (сферу) попадает взаимоотношение науки со всем комплексом вненаучного знания, – всего, находящегося за пределами науки, но что, тем не менее, участвует в производстве нового знания, генерируемого на границах с наукой. И если традиционно данная тема взаимоотношения науки и комплекса вненаучного знания, критический анализ ненаучного знания выносилась за пределы эпистемологии и философии науки, а тезис «о недопустимости некритического возвеличивания науки», парадоксально уживался с оценками исследований вненаучного знания как «дела недостойного по определению и чуждого всякому научному подходу», то теперь во многом благодаря трудам ученых, работающих в направлении междисциплинарного взаимодействия наук о познании (эпистемологии, истории и социологии науки, прежде всего), было показано, сколь не полон образ науки, если исповедуется строго интерналистский подход и из науки исключаются все «внешние факторы». Из первоначально периферийной и «еретической» в области теории и истории вненаучных форм знания тематика «наука-вненаучное знание» этаблируется в академически приемлемую область научного исследования и образования; рассматривается история взаимоотношений науки с совокупным социокультурным окружением научной деятельности, с результатами критического анализа мистицизма и мифо-магического мировоззрения.

Примечательно, что в условиях постмодернистской культуры активизировавшийся социальный подход к изучению науки подводит к совершенно нетривиальному, с позиции нововременного мышления, выводу, согласно которому основанием логики научного поиска оказывается нелогический базис, новое знание возникает из вне научной сферы, обладающей изменчивостью, разнообразием, нестабильностью, неустойчивостью. Теория поглощается социальным контекстом ее производства, а границы между наукой и ненаукой размываются. Следует заметить, что значительная часть современных эпистемологов, основываясь на сохранении основных норм рационального дискурса, препятствующих и ограничивающих вседозволенность в теоретическом познании, занимает позицию по вовлечению в сферу своего анализа форм и типов знания, не укладывающихся в узкие критерии научности, одновременно критически относясь к поверхностным уподоблениям познания «естественному отбору», «адаптации к среде», «афферентному синтезу» или «компьютерной обработке данных». При этом подчеркивается, что жесткие ограничения на вненаучное сужают его область, а полное снятие запретительных норм, ограничений, относящихся к вненаучному знанию, лишают его предметности¹¹. Исследуя процесс реального

¹⁰ См.: В.М. Межуев, В.М. Розин: «Перспективы научной рациональности в XXI веке». Круглый стол НГ-наука № 2 (16.02.2000); Порус В.Н. Возможна ли философия как критическое знание // Эпистемология и Философия науки. М.: «Канон+». № 1. Т. II. 2005.

¹¹ Касавин И.Т. Наука и иные типы знания: позиция эпистемолога // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. IV. № 2. – С. 10.

познания, И.Т. Касавин видит корень дискуссий и основных контrovers в принципиальном и до конца неразрешимом противоречии, когда знание (как предмет исследования) противостоит познанию: содержание реальности вносится в предмет извне в ходе интерпретации, не ограниченной предметом, а, напротив, питаемой интуицией, живым созерцанием, креативным мышлением, воображением, постоянным комбинированием фактуальности и логичности, экзистенциальным переживанием, что позволяет «схватить» социокультурную и субъективно-антропологическую реальность познания как процесса и одновременно обеспечить интересубъективную обоснованность выводов.

Мы, в свою очередь, в широком плане склонны разделить подход, согласно которому допускается расширение понятия «знание» в направлении его совпадения с понятием «жизни», и где на основе критического отрицания естествознания и естественнонаучного, технократического дискурса в качестве идеала науки утверждается концепция нетрадиционной науки с включением в современное науковедение (наряду с гуманитарными и социальными науками) эзотерической или сакральной науки. Имеющий место опыт по созданию научных вариантов религии и эзотерики (как результатов совмещения рациональной и религиозной, эзотерической мысли) говорит в пользу правомерности такого подхода. При том, однако, как уточняет В.М. Розин, что большая часть религиозных и эзотерических учений строится не как наука¹². Добавим: эзотерический и мистический опыт (как особый тип отношения к реальности) выступал, как известно, основоположением всех рационально построенных философских систем, формируя логический дискурс.

Основания для подхода, обозначенного выше (модели нетрадиционной науки), лежат в плоскости понимания и того факта, что управления природными процессами (которое традиционно связывается и обеспечивается естественными науками) сегодня не достаточно. – Оно должно быть дополнено столь же необходимой функцией обоснования и расширения соответствующего опыта жизни человека. Реализация такой функции (миссии), с точки зрения В.М. Розина, позицию которого мы разделяем, могла бы быть возложена на «другие» типы наук – философские, гуманитарные, социальные, религиозные, эзотерическую науку. В данном вопросе нам крайне близки критические размышления М.К. Петрова, высказанные им в русле концепта тезаурусной динамики, о том, что сложившийся в гносеологии кибернетический концепт знания, в котором отсутствует специфически человеческая составляющая, отчуждает его в слепые автоматизмы природы, отрицает любую «зазеркальную» связь между субъектом и объектом, в результате чего успехи человеческого познания в научном плане могут свидетельствовать в пользу чего угодно, но...знанием о человеке они, наверняка, не являются. Такое знание, скорее всего, нужно искать в сфере других видов познавательной деятельности. Пока же наука подчинена и укладывается в жесткое «прокрустово ложе» действующей ныне системы исходных постулатов, она в принципе не может дать знания о человеке. Именно такая перспектива, как говорит М. Петров, «лежит в основе нежелания осознать, что власть всех видов и рангов всю жизнь говорила бесчеловечной прозой»¹³. Представляется, что такой «язык» сегодняшнего кризисного научного мышления, который, если следовать эволюционно-эпистемологической концепции К.Попера, прогнозировался уже к середине XX в., свойственен большинству современных наполненных избыточной рациональностью конструкций.

В данной связи полагаем, что смещение приоритетов в пользу расширения опыта жизни человека, затрагивающего множество модальностей бытия человека и границ нашего реального жизненного мира, приобретает дополнительную значимость на том основании, что свойственная рациональному сознанию классического типа установка на фиксацию в идеальных конструкциях действительности в ее сущностном бытии («сущ-

¹² См.: Розин, В.М. Контекстное, полифоническое мышление – перспектива XXI века // *Общественные науки и современность*. – 1996. – №5. – С.12-16.; Розин В.М. К проблеме демаркации естественных и гуманитарных наук, а так же куда мы должны отнести космологию? // *Эпистемология и Философия науки*. М.: «Канон+». Т.ХI. № 1. 2007. С.85-102.; Розин В.М. Мышление в контексте современности // *Общественные науки и современность*. 2001. – № 5. – С.18-27.

¹³ Петров М.К. *Историко-философские исследования*. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. – С.79.

ность», «закон», «объективная необходимость») может приводить (и приводит) к необоснованным претензиям на приоритетность по отношению ко всем неотчуждаемым от живых индивидов способам освоения окружающей их реальности, к «другому» знанию. Универсальную же обязательность, принудительность, тотальность этого преобразования пытаются нередко «оправдать» именно рациональной обоснованностью лежащих в его основе теоретических представлений.

Наконец, проблема границ науки и другого знания связана с пониманием того факта, что нет мира «чистой» науки и «чистого» рационализма – мир науки включает в себя все многообразие превращенных форм знания, в которых на протяжении воцарившейся истории функционировала и была представлена наука (миф, теологические представления, интуицию, мистический, эзотерический опыт. В свою очередь, все формы знания в той или иной мере содержат рациональное начало (не будем забывать, что рациональность рождается вместе с разумом). Иными словами, везде мы наблюдаем метаморфоз, взаимопревращение, взаимозаменяемость, восполняемость всех форм знания на границах науки и не-науки.

Не случайно ведь современные тенденции в направлении дискредитации просветительского представления о науке как о воплощении свободного авторитарного духа связаны с отходом от жестких позитивистских критериев демаркации науки и не-науки, расшатыванием «перегородок» между наукой и другими сферами духовной деятельности в направлении последующего **слома** этих барьеров. Уместно напомнить, что на зависимость развития научного знания от иррациональных форм мышления указывал в свое время П.Фейерабенд, будучи убежденным, что именно иррациональное в процессе научного познания в большей степени способствует научному прогрессу, чем критерии научности, разработанные позитивистской методологией. М.Полани в том же «ключе» разработывал известную нам сегодня концепцию неявного знания. Обращение к чувственному началу как к более фундаментальному по сравнению с рациональным, логическим, характерно и для различных форм философского иррационализма, что свидетельствует о сохранении преемственности с традицией и «духом» послегегелевской европейской философии с присущей ей ориентацией на чувственно-эмоциональный фактор. Традиция сохраняется – представителями отечественной эпистемологии, философии все чаще достоверность познания (в том числе и научного) ищется в «жизненном мире» как сфере «непосредственно очевидного», имеющего значимость гораздо большей степени в сравнении с ценностями объективно-логической очевидности.

В контексте сказанного нам импонирует целостный подход к результатам познавательной деятельности в общем движении человеческого познания и самопознания, который исходит из рассмотрения целостного человека со всеми субъектно-трансцендентальными и эмоционально-личностными особенностями его духовной жизни, с выводимостью свойств знания не из традиционных «вечных» критериев рациональности, а из свойств познающего субъекта и практических контекстов его деятельности (в русле экзистенциально-антропологической традиции). В основание же теоретической конструкции следует класть не серию предписывающих законов, а некое минимальное множество принципов запрета с учетом выработки «правил научной честности» (в терминологии И. Лакатоса) – Радикальный отказ от жесткого детерминизма отвечает как изменившейся современной гносеологической ситуации, так и современным реалиям в обществе и культуре модерни.

Таким образом, проблема границ научной рациональности и превращенных форм знания является востребованной самой жизнью не только с позиции философской рефлексии разума и необходимости выработки механизмов ограничения его компетенции на пути выявленных деструктивных и антигуманных черт знания XXI века (научного, прежде всего). В первую очередь, ее актуализация в современность резонирует с необходимостью задать кардинально иные ориентиры современного научного знания, поскольку от того, какие горизонты и перспективы будут поставлены в качестве доминантных в поступательном научном движении третьего тысячелетия, зависит, собственно, и выбор жизненных стратегий человечества. Говоря о необходимости выхода в широкую сферу современной культуры как о важном условии понимания процессов, происходящих в постнеклассической науке, автор ориентирует на более глубокое осознание того факта, что в

условиях техногенной цивилизации недооценка значимости анализа границ всех форм знания содержит угрозу неразумного превышения допустимых пределов использования наличного и генерируемого познавательного потенциала, а значит, и ставит под сомнение сохранение «статуса кво» человека.

В целом же философско-культурологическая рефлексия границ науки и «другого» знания, предпринятая с учетом характерных особенностей культуры модернити, направлена на поиск оптимальных путей реальной гуманизации науки, преодоления ее отчуждения от «жизненного мира» человека и решение вопроса о возможном и допустимом в науке исключительно «в пользу» самоценности человеческой жизни как таковой.

Список литературы

1. Розин В.М. Методология: замысел и реализация. М.2007.
2. Розин В.М. От панметодологии к методологии с ограниченной ответственностью // Методология науки: проблемы и история. ИФ РАН. М., 2003.
3. Анурий В.Ф. Постмодернизм: в поисках материального фундамента // Общественные науки и современность. 2001. № 3. – С. 112-122.
4. Лубский А.В. Постмодернизм и историческая наука // Гуманитарный ежегодник. М., 2005. № 1. Ч.2. – С.29-41.
5. Rorty R. Philosophy and the mirror of nature. Oxford, 1980. 365 с.
6. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П.Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 325с.
7. Микешина, Л.А. Релятивизм как философская проблема // Эпистемология и философия науки. М.: «Канон+». Т. I. № 1. 2004. – С.54.
8. «Перспективы научной рациональности в XXI веке». Круглый стол НГ-наука № 2 (16.02.2000).
9. Порус В.Н. Возможна ли философия как критическое знание // Эпистемология и философия науки. М.: «Канон+». № 1. Т. II. 2005.
10. Касавин И.Т. Наука и иные типы знания: позиция эпистемолога // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. IV. № 2. – С. 10-23.
11. Розин, В.М. Контекстное, полифоническое мышление – перспектива XXI века // Общественные науки и современность. – 1996. – №5. – С.12-16.
12. Розин В.М. К проблеме демаркации естественных и гуманитарных наук, а так же куда мы должны отнести космологию? // Эпистемология и философия науки. М.: «Канон+». Т. XI. № 1. 2007. С.85-102.
13. Розин В.М. Мышление в контексте современности // Общественные науки и современность. 2001. – № 5. – С.18-27.
14. Петров М.К. Историко-философские исследования. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. – 512 с.

BOUNDARIES OF RATIONAL DISCOURSE AND «OTHER» THINKING STRATEGIES IN TERMS OF POSTMODERN PARADIGMS

G. N. KALININA

*Belgorod state institute
of culture and arts*

e-mail: kalinina555@inbox.ru

The article presents philosophical and culturological reflexion on borders of traditional science and «other» knowledge in terms of the cultural modernity, cognitive strategies, postmodern paradigms. The author argues that to understand the internal integrity of these issues means and to identify its non-classical spirituality means to pass «behind» the limits of scientific thinking in wide range of culture.

Key words: postmodernism, culture, «affirmo-ergo est», «language games, intertextuality, deconstruction, paradigm, cognitive strategy, holism, «double encoding», traditional science, rational, irrational, disobjecting «other» knowledge, discourse, para-science, esoterics.